Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (28), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+ 81.25+821.162.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+81.18
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-215-253
https://elibrary.ru/IXEIKX

© 2024. Людмила Карпенко
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Концепты состояния в романе «Преступление и наказание»: проблемы межкультурного перевода художественного языка Ф.М. Достоевского

© 2024. Liudmila B. Karpenko
S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Concepts of State in the Novel *Crime and Punishment*: Problems of Intercultural Translation of Fyodor Dostoevsky's Artistic Language

Информация об авторе: Людмила Борисовна Карпенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-8432-1164
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения концептов состояния в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и особенности их воспроизведения в переводе романа на болгарский язык, выполненном болгарским поэтом и переводчиком Г. Константиновым. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью языковых приемов Ф.М. Достоевского в передаче состояний героев и среды, а также особенностей перевода концептов состояния с русского языка на болгарский. Исследуется проблема переводимости грамматики, зависимости расхождений между оригиналом и переводом от системных особенностей языков. Методы исследования: сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический, лексико-семантический. Материал собран из параллельных русского и болгарского тек-

стов романа и русско-болгарского подкорпуса Национального корпуса русского языка. Автор статьи приходит к выводу о том, что Г. Константинову удалось передать и глобальные общечеловеческие смыслы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», и индивидуальное своеобразие языка писателя. Вместе с тем проведенное исследование выявляет закономерные расхождения между оригиналом романа и его переводом, которые объясняются рядом причин: 1) частичными различиями языковой концептуализации мира в двух языках: для русской языковой картины мира характерна предметно-пространственная доминанта, пространственные модели служат основой для оформления разных типов отношений, в том числе и концептов состояния; болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии или динамической характеристике человека; 2) системными различиями современных русского и болгарского языков, расхождениями в их грамматических, лексико-словообразовательных, лексико-семантических ресурсах, что регулярно наблюдается в переходе от русских безличных предложений к болгарским двусоставным или определенно-личным, от предложно-падежных сочетаний русского языка к болгарским глагольным формам; 3) мастерством переводчика, характером его восприятия содержания текста, ключевых и прецедентных слов, аллюзий и тонкостей, закодированных автором.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», концепты состояния, проблемы переводимости грамматики, русский язык, болгарский язык.

Для цитирования: *Карпенко Л.Б.* Концепты состояния в романе «Преступление и наказание»: проблемы межкультурного перевода художественного языка Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 215–253. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-215-253

Information about the author: Liudmila B. Karpenko, DSc in Philology, Professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, Moskovskoe Shosse, 34, 443086 Samara, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-8432-1164

E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Abstract: The article deals with the ways of expressing concepts of state in Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* and the peculiarities of their reproduction in the translation of the novel into Bulgarian by the poet and translator Georgi Konstantinov. The relevance of the work is determined by the insufficient study of Dostoevsky's linguistic techniques in conveying the state of the characters and the environment, as well as the peculiarities of translating the concepts of state from Russian into Bulgarian. The problem of translatability of grammar, the dependence of discrepancies between the original and translation on the systemic features of languages is investigated. Research methods: comparative, contextual, structural-grammatical, lexico-semantic. The material is collected from the parallel Russian and Bulgarian texts of the novel and the Russian/Bulgarian subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. The author of the article concludes that Georgi Konstantinov managed to convey both the global universal meanings

of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* and the individual originality of the writer's language. At the same time, the study reveals natural discrepancies between the original novel and its translation, which are explained by a number of reasons: 1) partial differences in the linguistic conceptualization of the world in the two languages: the Russian language picture of the world is characterized by object-spatial dominance, spatial models serve as a basis for the design of different types of relations, including state concepts; Bulgarian language focuses on the state as an action or a dynamic characteristic of a person; 2) systemic differences between modern Russian and Bulgarian languages, discrepancies in their grammatical, lexical-linguistic, lexical-semantic resources, which is regularly observed in the transition from Russian impersonal sentences to Bulgarian bipartite or definite-personal sentences, from prepositional-padding combinations of Russian to Bulgarian verb forms; 3) the translator's skill, the nature of his perception of the content of the text, key and precedent words.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, state concepts, problems of translatability of grammar, Russian language, Bulgarian language.

For citation: Karpenko, L.B. "Concepts of State in the Novel *Crime and Punishment*: Problems of Intercultural Translation of Fyodor Dostoevsky's Artistic Language." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (28), 2024, pp. 215–253. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-215-253

В последнее время наблюдается повышенный интерес к научному исследованию перевода как источника восприятия творческого наследия классиков русской литературы в мире, и творчество Ф.М. Достоевского по праву считается самым востребованным феноменом русской литературы за рубежом. Интересы литературоведов и лингвистов к анализу переводов корпуса текстов Достоевского разноплановы и избирательны. Для литературоведов наиболее значимо то, что адекватное восприятие русского автора за рубежом требует не механического калькирования, а воссоздания переводчиком индивидуального стиля писателя. Объектом литературоведческих исследований становятся переводческие версии романа, своеобразие творческих интерпретаций переводчиками текста, авторского стиля, сюжета, композиции, имен героев и т.д. Так, например, замечено, что востребованность одного из самых читаемых в Германии романов — «Преступления и наказания» — немецким читателем объясняется во многом новаторскими приемами, которые применяли переводчики Г. Мозер, Е.К. Разин и Г. Рёль при воспроизведении индивидуального стиля Достоевского [Васильева, 2008, с. 4]. Лингвистов в аспекте переводоведения интересуют языковые возможности воссоздания

содержания романа на переводящем языке, языковая техника переводческих преобразований. В этом отношении средства языковых уровней исследованы в разной степени, большее внимание уделялось изучению лексико-семантических преобразований при переводе, проблемы переводимости грамматики рассматривались недостаточно.

Цель статьи — исследовать языковые особенности перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на современный болгарский язык: зависимость перевода от своеобразия концептуализации и системных особенностей русского языка, изучить переводческие приёмы, с помощью которых воспроизводится грамматическая специфика оригинала. В фокусе оказываются расхождения, которые наблюдаются между текстом оригинала и перевода при воспроизведении концептов состояния среды и психофизических состояний человека, основных отрицательных эмоций, наиболее широко представленных в романе «Преступление и наказание». Материалом для исследования послужил текст романа Достоевского «Преступление и наказание» и его перевод на болгарский язык, выполненный известным болгарским поэтом и переводчиком Георгием Константиновым [Достоевски, 1960]. Материал собирался также из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка, эксцерпированные примеры из которого приведены в данной статье. При описании материала отбирались наиболее значимые для исследуемой темы фрагменты романа, которые передают, с одной стороны, интерес Достоевского к изображению состояний героев и среды, с другой, — содержат характерные межъязыковые расхождения в их оформлении.

Методы исследования: сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический, лексико-семантический.

Перевод и проблема переводимости художественного текста

Перевод — один из древнейших видов словесного искусства и интеллектуальной деятельности человека, обеспечивающий межкультурный диалог, обмен информацией и литературным наследием. Раскрывая ценностное начало литературных традиций, обеспечивая их восприятие и распространение, перевод выполняет эстетическую и цивилизационную функции. Современное переводоведение фокусирует внимание на переводе как на комплексном объекте — этно-

культурологическом, этноязыковедческом и литературоведческом; на сопряженных с переводом проблемах рецептивной эстетики. Подчёркивается важность культуроведческого подхода к переводу и признаётся, что перевод является важнейшим средством, решающим проблему межнационального диалога: благодаря переводу народы и культуры взаимодействуют друг с другом и взаимно обогащаются [Леонтович, 2007].

До появления современного цифрового перевода, ориентированного в большей мере на прагматические функции языкового посредничества, на соблюдение общей когерентности передаваемого текста, традиционно считалось, что перевод, каким бы он ни был, должен представлять собой эквивалентный оригиналу текст [Pym, 2009, с. 82]. Определяющим для становления и совершенствования перевода был опыт переложения Библии, которая за две тысячи лет была транслирована почти на две тысячи языков мира. С распространением текста Священного Писания была связана традиция максимально точного перевода, за ней следовала ранняя европейская традиция перевода, полноценно воспроизводящего стиль сочинений античных классиков. Даже в период сознательного отказа от чрезмерной стилистической близости к оригиналу, в XVII–XVIII веках, в содержательном отношении перевод должен был по возможности соответствовать оригиналу. И сегодня традиционный, классический перевод обычно рассматривается как иноязычная форма представления оригинала, способная «обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на переводящем языке мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении» [Комиссаров, 1990, с. 21].

Цель художественного перевода состоит в создании содержания и формы художественного текста на переводящем языке, по эстетическому воздействию равноценного оригиналу. В современном переводоведении предпочтение отдается функциональному переводу, который предполагает поиск функциональных аналогов; работа при этом осуществляется на всех языковых уровнях. Учитывая значение, структуру и звучание лексических и структурных единиц оригинального текста, переводчик подбирает подходящие лексические и грамматические соответствия, стремясь к максимальной эквивалентности. Адекватным признается такой перевод, который

передает не только то, что выражено подлинником, но и то, как это в нём выражено. «<...> Осмысление каждого переводческого акта в теоретическом плане требует учета и семантики языковых знаков, и ситуации, и описываемой в тексте реальной действительности <...> Иной раз даже перевод отдельно взятого слова зависит от всего переводимого целого» [Рецкер, 1974, с. 9–29]. В идеальном случае перевод соответствует оригиналу по объему и полноте информации, по жанровым особенностям повествования, речевым нормам и лексико-грамматическому оформлению, а главное — он вызывает у читателя тот же когнитивный и эмоциональный эффект восприятия, что и оригинальный текст. Такого идеального результата не всегда удается добиться даже самым замечательным знатокам творчества переводимого автора и языка оригинала. Насколько осуществимой может быть задача художественного перевода, в частности перевода произведений Достоевского?

Сомнения в возможности адекватной передачи смысла на другой язык высказывались и в Средневековье, а в XIX веке они выразились в лингвистическую «теорию непереводимости», которую возводят к работам В. фон Гумбольдта. Его концепция была основана на суждении о неразрывной связи мышления человека и языка, их диалектической взаимозависимости: «<...> языки в отличных и эффективных чертах дают нам разные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает уникальность целого народа <...>» [Гумбольдт, 1984, с. 349]. В. фон Гумбольдт считал, что каждый язык неповторим в его индивидуальности, поэтому в силу различий между языками адекватный перевод принципиально невозможен [Радченко, 2006, с. 250–251]. Сторонники этой теории и сегодня видят в каждом естественном языке в чем-то специфическую форму восприятия и отражения мира. Из более поздних концепций, обосновывающих невозможность полной переводимости, выделяется гипотеза лингвистической относительности Сепира—Уорфа. Само понятие лингвистической относительности ввел Уорф, который утверждал, что способ познания и язык тесно связаны; более того, язык определяет мышление и способ познания. Э. Сепир развил эту идею в статье «The Grammarian and his Language» тезисом о восприятии человеком мира в зависимости от языковых навыков общества. По мнению Э. Сепира, языки служат хранилищами обширных сетей психических процессов, мышление имеет языковые основания и ограничения [Sapir, 1924, p. 149–155]. Различия отображения

восприятия мира в естественных языках Э. Сепир демонстрировал на примерах проявления своеобразия языковой интерпретации ситуации падения камня. Носителями разных языков одна и та же реальная ситуация с падающим камнем передается неодинаково: англичанин скажет the stone falls и выразит определенность ситуации и акт падения камня. В немецком и французском языках будет выражен грамматический род существительного, на языке индейцев из Британской Колумбии получит отражение очевидность камня и место его нахождения по отношению к говорящему. В языке племени нутка глаголом будет передано и движение камня, и направление падения и т.д. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и членения мира [Уорф, 1960, с. 178].

В лингвистике существует и противоположная точка зрения, основывающаяся на концепции всепереводимости, которая не отрицает различия языков, но не гиперболизирует их, а объясняет возможность успешного перевода единством восприятия людьми реального мира. Согласно данной точке зрения, перевод признается адекватным при соблюдении тождества смысла, передаваемого языком оригинала и языком перевода, тождества коммуникативного эффекта, вызываемого двумя текстами. Отсутствие полной тождественности не мешает переводу выполнять коммуникативную функцию, для выполнения которой был создан текст оригинала, хотя на уровне грамматической или лексической концептуализации могут наблюдаться расхождения.

Современная лингвистика примиряет эти противоположные позиции, стремясь установить не абсолютное воздействие языка на мышление, а только возможное его влияние на некоторые когнитивные способности человека [Бурас, Кронгауз, 2011], описать связь между языком и познанием, языком и картиной мира. Однако развитие сопоставительного языкознания и корпусной лингвистики, множественность наблюдений, подтверждающих различия в воспроизведении тождественных ситуаций в разных языках, дают основания утверждать, что каждый естественный язык по-своему отражает картину мира. Сегодня уже не оспаривается то, что картины мира разных языков различаются. Очевидно, что любой язык заключает в себе оригинальный взгляд на мир, и особенности его концептуализации, в значительной части универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом язы-

ковом уровне, включая уровень грамматический, — национально своеобразны. Ю.Д. Апресян отмечает: «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков» [Апресян, 1995, с. 39]. Концептуализация — это осмысление реальности, информации в концептах, в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Менее очевидны, чем лексические особенности, языковые различия, связанные с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические доминанты языков представляют собой концепты, характеризующиеся большей абстрактностью, которые заключены в грамматических, функционально-грамматических категориях и получают выражение в системах грамматических средств. Изучение особенностей языковой концептуализации и категоризации рассматривается как одна из ключевых проблем современной когнитивной лингвистики [Кубрякова, 2004, с. 306].

Концептуализация состояний в произведениях Ф.М. Достоевского

Психологический стиль письма Достоевского в целом отличает заостренное внимание к передаче состояний персонажей, в этом отношении роман «Преступление и наказание» в особенности показателен. Он начинается с описания на фоне наблюдаемого состояния среды («чрезвычайно жаркое время») нездорового психического состояния героя («чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5][1]. Переживание смятения Раскольникова во время подготовки и совершения преступления, последовавшего ужаса от содеянного является сквозной темой, одной из содержательных перспектив романа. Достоевский реализует в романе ту идею, о которой говорит его герой Раскольников, объясняя Порфирию Петровичу задумку своей статьи «О преступлении»: «Я рассматривал, помнится, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления». Подчеркнутый интерес к прорисовке психофизического состояния героев — одна из главных стилевых особенностей творчества Достоевского [Романова, 2020]. В письме к одной из

[1] Далее приводятся ссылки на шестой том данного издания с указанием страниц в круглых скобках.

своих читательниц Достоевский говорит о важности восприятия этой стороны его романов: «Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя» [Достоевский, 1972–1990, т. 30, с. 129].

Концептосфера психического состояния человека обширна, она включает ряд базовых эмоций и переживаний, противопоставленных по характеру и интенсивности проявления: положительных (радость, интерес), нейтральных (удивление), отрицательных (страх/ужас, отвращение, печаль, грусть, тоска) [Изард, 1999]. Достоевского в особенности интересуют эмоции, сопровождающие болезненное состояние человека. В.Н. Топоров в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления (“Преступление и наказание”)» объясняет интерес к изображению болезненной психики персонажа как стилевую особенность творчества писателя его стремлением привести в соответствие героя и сюжет. По мысли В.Н. Топорова, Достоевский показывает героя в таком положении, которое заранее оправдывает его вхождение в любые конфигурации сюжета [Топоров, 1995], поэтому герои Достоевского появляются как люди странные, не вполне здоровые, испытывающие страх, мучительную тревогу, тоску. В таком неустойчивом психическом состоянии человек способен на любой невероятный поступок, вплоть до убийства, природа которого исследуется в романе. Словами Порфирия Петровича Достоевский объясняет преступление Раскольникова помутнением сердца: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 348].

Лингвокогнитивная модель состояния человека и среды предполагает наличие в языке концептуализированных смыслов и специализированных средств их выражения, которые формируют соответствующее функционально-семантическое поле. В центре поля оказываются грамматические и лексические средства, представляющие регулярное выражение соответствующих смыслов. Для русского языка значения психоэмоционального и физиологического состояния человека, состояния внутренней и внешней среды настолько значимы, что их выражение грамматикализовано на синтаксическом и морфологическом уровнях в определенных моделях односоставных предложений, в безличных формах глагола и словах

категории состояния, которые были определены Л.В. Щербой как особая категория русского языка [Щерба, 1957, с. 63–84]. Эти грамматические модели и средства в сочетании с лексико-семантическим их наполнением, позволяющие выразить состояние мира и человека, органично используются в произведениях русской классики, придавая им эстетическую значимость и выразительность.

В обрисовке состояний человека и среды Достоевский мастерски использует характерные регулярные модели русского языка; диалоги его романов воспроизводят естественную русскую речь. По словам Н.Д. Арутюновой, «в текстах Достоевского стилеобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета. В Достоевском как бы раскрылся дух русского языка. Достоевский отдался его стихии, слился с его природой, придал его типологически важным свойствам эстетическую значимость <...> Слияние со стихией языка, придание ей эстетической ценности возможно лишь для гениального писателя, ибо “гений, как природа, творит бессознательно” (Кант)» [Арутюнова, 1999, с. 868–869]. О «профилирующих чертах русского языка», знаменующих в речи свойства национального менталитета Н.Д. Арутюнова говорит в связи с активным использованием Достоевским лексических маркеров странности, неопределенности и неуправляемости действий, среди которых: как бы, как будто, будто, словно, точно, вроде, похоже, кажется, мерещится, чудится и т.д. Эту точно найденную оценку можно распространить и на другие проявления стиля Достоевского, поскольку язык его романов отражает характерные особенности не только лексической, но и морфологической, и синтаксической систем русского языка, а также особенности концептуализации, присущие русскому языку, в частности широкое использование пространственных моделей при выражении разных смысловых отношений, в том числе при выражении концептов состояния, о чем будет сказано далее. В романе «Преступление и наказание» в прорисовке состояний героя и среды Достоевский использует такие характерные, типичные для русского языка модели односоставных безличных предложений с предикатами, выраженными словами категории состояния: «Несмотря на эти странные слова, ему стало очень тяжело» (с. 43); «<...> смутно и темно на душе» (с. 49); «Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова

еще с полминуты, то он бы убежал от нее» (с. 62); «На узенькой и крутой лестнице было очень темно» (с. 133); «В передней было очень темно и пусто <...>» (с. 213); «В коридоре было темно <...>» (с. 240).

Однако писатель не ограничивается стандартными языковыми приемами и моделями, а создает и свои авторские, неожиданные средства выражения состояний, построенные с использованием фразеологизмов («голова кругом» (с. 82), «не в понятии» (с. 94), «не в памяти» (с. 124), «хвост поджав» (с. 152)); с включением сравнительных оборотов («стоял как мертвый» (с. 150), «дрожал как в лихорадке» (с. 236), «побледнел как мертвец» (с. 240)); с использованием метафор и окказионализмов («страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его» (с. 91), «забота не сходила с ее лица» (с. 237), «рухнулся на пол» (с. 150), «остолбенелый» (с. 70), «нарезался» (с. 70)). Для стиля Достоевского характерен синтаксический прием усиления оценки состояния за счет нагнетания предикатов, повторов: «И он вдруг ощутил, что мнительность его, от одного соприкосновения с Порфирием, от двух только слов, от двух только взглядов, уже разрослась в одно мгновение в чудовищные размеры <...> и что это страшно опасно: нервы раздражаются, волнение увеличивается» (с. 255); «Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!<...> » (с. 10); «Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко <...>» (с. 50).

С первых строк текст романа передает накатывающие на Раскольникова приливы страха перед встречей с жертвой, когда он идет «делать пробу своему предприятию» (с. 7). Вначале страх показан как нестойкое, переменчивое состояние. Подвижный, нестойкий характер зарождающегося страха-боязни выражен Достоевским глагольными формами, рисующими динамику, изменения состояния: <...> боялся с нею встретиться» (с. 5); «<...> боялся даже всякой встречи <...>» (с. 5); «Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся <...>» (с. 5); «<...> каких пустяков боюсь! <...>» (с. 6); «<...> чего люди больше всего боятся?» (с. 6); «Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?» (с. 7).

После убийства вал неотступного и невыносимого страха, безграничного ужаса, вытеснивший волны боязни, чередуется с чувствами глубочайшего омерзения, отвращения, тоски. Страх, ужас, тоска, отвращение Раскольникова становятся всё более явными,

определенными; они как бы опредмечиваются, субстантивируются, приобретают характер постоянных, устойчивых состояний, требующих для выражения именной лексики, использование которой нарастает по мере развития сюжета: «Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось **ужасом**, как будто мороз прошел по спине его» (с. 52); «**Страх** охватывал его все больше и больше <...>» (с. 65); «**В ужасе** смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора и **с** тупым **страхом** ждал, что вот-вот и запор сейчас выскочит» (с. 67); «Но здесь ожидал его такой **ужас**, какого, конечно, он еще ни разу не испытывал» (с. 66); «Вдруг он весь вздрогнул **от ужаса**: «Боже мой, — шептал он в отчаянии, — что со мною? Разве это спрятано? Разве так прячут?» (с. 71); «**В ужасе** приподнялся он и сел н своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь» (с. 99); «И он **с омерзением** почувствовал вдруг, как он ослабел, физически ослабел» (с. 210); «Чувство бесконечного **отвращения**, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, когда он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал куда деться от **тоски** своей» (с. 10); «И до того уже задавила его безвыходная **тоска** и **тревога** всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения» (с. 405). Именно эти концепты — страха, ужаса, тоски — являются наиболее частотными, значимыми для понимания содержания текста, доминантными, а реализующие их лексические единицы — ключевыми словами.

Проследим далее наиболее характерные способы выражения концептов состояния в романе Достоевского и приемы их передачи в переводе на родственный, болгарский, язык. Учитывая последнее, нужно признать, что в силу родства русского и болгарского языков, общности основ грамматического строя и единства значительной части лексических корпусов в большинстве случаев переводчику удается не просто адекватно, но даже тождественно передать концепты состояния на болгарском языке: «Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз; он пролежал с полчаса **в таком страдании**, **в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса**, какого никогда еще не испытывал» (с. 91). — «Раскольников се строполи безсилен на дивана, но вече не можа да затвори очи; лежа близо половин час **в такова страдание**, **в такова непоносимо чувство на безграничен ужас**, каквото никога още

не бе изпитвал»[2]; «**С отвращением и досадой** отбросил он статью на стол» (с. 396). — «И **с отвращение и досада** хвърли статията на масата»; «— Да, замочился <...> **я весь в крови**! — проговорил с каким-то особенным видом Раскольников, затем улыбнулся, кивнул головой и пошел вниз по лестнице» (с. 145). — «Да, изцапах се <...> **целият съм в кръв**! — каза с особен израз Расколников, после се усмихна, кимна и заслиза по стълбите».

Тем не менее, несмотря на значительную близость русского и болгарского языков, может наблюдаться и неполное соответствие фрагментов перевода оригиналу. И тогда возникают вопросы: какие расхождения обнаруживаются при переводе, насколько они существенны для понимания романа Достоевского и чем они объясняются.

Проблема перевода лексических и словообразовательных средств

Проблемы перевода могут быть обусловлены своеобразием концептуализации и различием системных особенностей языков, которые проявляются на разных языковых уровнях: на уровне лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса. Характерной системной особенностью лексических средств современного русского литературного языка является хорошая сохранность общеславянских ресурсов и значительное присутствие в ней славянизмов. На протяжении столетий основным ресурсом высокого стиля служила церковнославянская лексика, наполнившая евангельскими смыслами содержательное пространство русского литературного языка: благодать, благодетель, благодеяние, благоприятный, благородный, благословение, благословлять, благость, благочестивый и под. Их активно использует и Достоевский в исследуемом романе: «<...> **благословляю** тебя материнским **благословением** моим <...>» (с. 34); «И целый год я обязанность свою исполнял **благочестиво** и свято <...>» (с. 16); «<...> гораздо лучше, если жена считает мужа за своего **благодетеля**» (с. 32); «<...> ты и сам можешь стать его правою рукой по конторе и получать эту помощь не в виде **благодеяния** <...> (с. 33)»; «Я уверена вполне, что он будет так **благороден** и деликатен<...>

[2] Цитаты из электронных ресурсов Национального корпуса русского языка https://ruscorpora.ru/ указаний на страницы не содержат.

(с. 33)»; «<...> веришь ли в **благость** Творца и Искупителя нашего?» (с. 34).

В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» отражено около 10 000 лексем, извлеченных из древнеболгарских рукописей [Благова 1994], [Цейтлин 1994], в числе которых и общеславянская лексика, и заимствованная из древнееврейского и греческого языков, но основную массу составляют калькированные слова, созданные славянскими первоучителями при переводе богослужебных текстов на славянский язык. Предпринятая нами сплошная выборка из данного словаря лексем, сохранивших употребительность и актуальных в современном русскоязычном дискурсе, позволяет судить о важной роли славянизмов в формировании не только словарного корпуса, но и концептосферы современного русского литературного языка. Из указанных в словаре примерно 10 000 более 3 600 слов, не считая производных, продолжают жизнь в современном русском языке. Среди них не только церковно-христианская терминология, но и значительное количество слов, выражающих представления: об основных онтологических категориях — пространстве и времени: бесконечный, вселенная, пространство, восток, запад; будущий, вечный, время и др.; о жизненном пути человека: рождение, младенец, юность, возраст, жизнь; о духовных, интеллектуальных, творческих проявлениях: вера, видение, дарование, изобретение, призвание, радость, разум, стремление, созерцание, страдание и др.; о социальных, государственных категориях: власть, гражданин, народ, область, округ, отечество, страна, человечество и др. Сотни подобных слов-концептов, воспринятых из древнецерковнославянского (древнеболгарского) языка, входят в ядро русского словаря, определяют измерения ценностной концептосферы, общность выражения духовного, интеллектуального, социального опыта. Они служат основой языковых средств русской литературной классики, в том числе творчества Достоевского.

Исторические исследования лексики славянских языков показывают, что русский язык в большей степени сохранил славянизмы по сравнению с болгарским языком, из которого они пришли в древности в русскую книжность. И общеславянскую лексику тоже. Не случайно при сравнении оригинала и перевода романа выявляется, что на лексическом уровне различия текстов могут быть обусловлены отсутствием каких-то лексем в переводящем языке

или сохранением в словарном корпусе более поздних, заимствованных соответствий. Интересно соотношение слов **невежда** в оригинале романа и **невежа** — в болгарском переводе. Из этих двух соответствий **невежа** — русское по происхождению слово, а **невежда** является славянизмом, воспринятым русским языком из древнецерковнославянского (древнеболгарского) языка, производные от него **невеждство**, **невеждствовати** зафиксированы в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)». Таким образом, в тексте Достоевского, как и в русском языке, используется заимствование из древнеболгарского, а в болгарском переводе романа «Преступление и наказание» ему соответствует русизм **невежа**, с характерным восточнославянским рефлексом Ж в соответствии с южнославянским ЖД. В современном болгарском языке это русское слово используется вместо древнеболгарского **невежда**.

Старославянское (древнеболгарское) слово **наслаждение**, тоже с рефлексом ЖД, сохраненное в русском языке, в болгарском не сохранено, ему соответствует в языке и в переводе новоболгарская лексема **наслада**:

«Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то **наслаждением**» (с. 39). — «<…> ядосваше той с тези въпроси, изпитвайки дори някаква **наслада**».

Славянизму Рождество в переводе соответствует Коледа — славянское народное название этого праздника, принятое в болгарской культурной традиции, **мясоед** переводится как **Богородични заговезни** и т.п. Такие расхождения являются результатом разного исторического развития двух языков.

Лексемы, передающие психическое состояние — паническое смятение, ужас, страх, лексика переживания печали, стеснения, грусти, тоски — входят в ядро тезауруса Достоевского. Французский семиотик болгарского происхождения Ю. Кристева о тоске у Достоевского в работе «Достоевский: письма страдания и прощения» пишет: «Он взращивал ее в себе и превозносил ее как в своих текстах, так и в письмах» [Кристева, 2021, с. 554]. Ключевые слова, обозначающие концепты «тоска» и «грусть», существенные для понимания поэтики романа, не находят буквальных соответствий в современном болгарском языке и в переводе, хотя по происхождению и являются общеславянскими. Утраченное слово **тоска** переводится на болгарский язык лексемами **мъка** и **страдание**, а слово **грусть** — лексемами **тъга** и **скръб**.

Общая область значений русской лексемы **тоска** и болгарской **мъка** — характеристика психического состояния человека. Значение слова **мъка** определяется в электронном толковом словаре болгарского языка Института болгарского языка как сильное мучительное чувство, огорчение, вызванное тяжелыми нравственными переживаниями и под. Однако значение русской лексемы **тоска** не исчерпывается общим значением душевной боли, страдания. В семантической структуре этого слова содержится сема «тягостное ощущение внутреннего давления, стеснения»; исходное значение — «давление», «теснота» от «теснить». В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля **тоска** определяется как «стеснение духа, томление души, мучительная грусть, душевная тревога, нойка сердца, скорбь <...> **Тосковать**, **тоскнуть** и **тошновать** — болеть по чему душой, сильно грустить, скучать, неутешно горевать, сохнуть сердцем, скорбеть, изнывать» [Даль,1980, с. 422]. Этимологически тоска, теснить, стискивать, стеснение, тошно и тошнота являются однокорневыми словами, производными от общеславянского корня *tъsk-. Производные от этого корня сохраняются в современных украинском, чешском, словацком и других славянских языках. Были производные от этого корня и древнеболгарском языке сътъснѫти (греч. ἀγανακτεῖν), но в современном болгарском языке однокорневых соответствий лексеме **тоска** и ее производных — тоскливый, тосковать, тошно — нет, поэтому переводчик выбирает соответствия из синонимичных слов **мъка, тъга, страдание**, каждое из которых имеет более общее значение по сравнению с русским **тоска**, сопоставимое со значением русской лексемы **мука**, ср.: «Свет померк скоро, но мука осталась <...>» (с. 171) — «Светлината угасна скоро, но мъката остана <...>»; «Бледные щеки ее опять вспыхнули, в глазах выразилась мука» (с. 243).— «Бледите й бузи пак пламнаха, в очите й се появи мъка». Таким образом, при переводе слова **тоска** наблюдается расширение, генерализация значения оригинала:

«Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться **от тоски** своей» (с. 10). — «Чувството на безкрайно отвращение, започнало да стяга и да души сърцето му още когато отиваше при старата, сега така се разрасна и така добре се избистри, че той не знаеше къде да се дене **от мъка**»; «Он так устал от целого месяца

этой **сосредоточенной тоски** своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной» (с. 11). — «Беше така изморен от целия месец **углъбено страдание** и мрачна възбуда, че му се искаше поне за миг да си поеме дъх в друг свят, какъвто ще да е, и въпреки цялата мръсотия на обстановката той сега с удоволствие продължаваше да стои в кръчмата»; «Какая-то особенная **тоска** начала сказываться ему в последнее время» (с. 327). — «Някаква особена **мъка** бе започнала да го обзема напоследък»; «Прочитав несколько строк, он нахмурился, и страшная **тоска** сжала его сердце» (с. 396). — «След като прочете няколко реда, той се свъси и страшна **мъка** сви сърцето му»; «И до того уже задавила его безвыходная **тоска** и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения» (с. 405). — «И до такава степен го бяха смазали безизходната **мъка** и тревога през цялото това време, особено през последните часове, че той просто се нахвърли върху възможността за това цялостно, ново, пълно чувство».

Утрачены болгарским языком и производные от общеславянского корня грусть: грустно, грустный, грустить... И в том случае переводчик прибегает к синонимическим заменам: вместо **грусть** используются лексемы **тъга, скръб** и их производные. Переводные эквиваленты и в этом случае не являются полными синонимами. Значение слова **тъга** определяется в толковом словаре болгарского языка как чувство скорби, страдания, а значение слова **скръб** как душевная мука, часто обусловленная потерей близкого человека. Таким образом, в переводе передается более сильное психическое переживание, напряжение: «Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую **грусть**, — прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора» (с. 203). — «Истински великите хора, струва ми се, трябва да изпитват на този свят велика **скръб** — добави той изведнъж замислено, дори не в тон с разговора»; «— Голова немного кружится, только не в том дело, а в том, что мне **так грустно, так грустно**! точно женщине... право!» (с. 150) — «Свят ми се вие малко, но не е там работата, а в това, че ми е така **тъжно**, така **тъжно**! Като на жена <...> вярно!»; «Он поворотился к ней, **грустно** посмотрел на нее и взял ее за руки» (с. 319). — «Той се обърна към нея, погледна я **тъжно** и я хвана за ръцете».

На словообразовательном уровне современный русский язык характеризуется особым богатством аффиксальных средств, используемых как при словотворчестве высокой, абстрактной лексики (действие, действо, деятельность, дело...), так и в производстве экспрессивных разговорных слов. Воспроизведение русских экспрессивных словообразовательных единиц при отсутствии адекватных эквивалентов создает потери культурологического, психологического, эмоционального характера. Лексемы **мамочка, бабушка** в переводе переданы болгарскими нейтральными **мама** и **баба**; **дама-старушка** переведено как **стара дама**; **сестрица** — в преобладающем количестве случаев переводится словом **сестра**: «<...> а **мамочка** ничего не говорила, а только мы знали, что она это любит <...>» (с. 147) — «<...> а **мама** нищо не казваше, но ние знаехме, че тя обича това <...>»; «<...> служились панихиды по его **бабушке** <...>» (с. 46) — «<...> правеха панихида за **баба** му <...>»; «Она всех детей отвела к одной даме, к одной знатной **даме-старушке** <...>» (с. 372) — «Тя заведе всички деца при една дама, една знатна **стара дама** <...>».

За неимением в болгарском эквивалента русскому слову **батюшка** переводчик или опускает обращение старухи-процентщицы к Раскольникову, или передает его прилагательным **драги** («дорогой»), но вряд ли этот второй вариант является подходящим соответствием для ситуации, когда в диалоге передано не расположение старухи к нищему студенту, а скорее пренебрежение:

«— А с пустяками ходишь, **батюшка**, ничего, почитай, не стоит» (с. 9). —

«—Че все с такива дреболии ми идеш, кажи-речи нищо не струват»;

«—А вам какое до нее, **батюшка**, дело?» (с. 10) — «— А на вас за какво ви е притрябвала, **драги**?»;

«—А в том моя добрая воля, **батюшка**, терпеть или вещь вашу теперь же продать» (с. 9). —

«—То си е моя работа, **драги**, да чакам ли или веднага да го продам».

Подобных примеров расхождений, обусловленных различиями словообразовательных ресурсов русского и болгарского языков, значительное количество. Например: «Он сидел особо, перед своею **посудинкой** <...>» (с. 11) — Той си седеше сам, пред **чашата** си <...>»; «<...>в **картишки** пустился<...>» (с. 16) — «<...>започнал да играе

карти<…>»; «<…>Катерина Ивановна <…> подошла к Сонечкиной **постельке** <…>» (с. 17) — «<…>Катерина Ивановна <…> се приближи до **леглото** на Сонечка <…>»; «Соне **помадки** ведь тоже нужно <…>» (с. 25) — «Нали пък на Соня й трябва **помада** <…>»; «<…>дверь приотворилась на **крошечную щелочку** <…>» (с. 8) — «<…> вратата **едвам се открехна** <…>»; «<…>а я лежал **пьяненькой**, разве я не страдал?» (с. 14) — «<…> а аз лежах **пиян**, нима не страдах?»; «<…> по такому же **дельцу**…» (с. 8) — «<…> пак по такава **работа** <…>».

Нейтральные в своих значениях, словообразовательно непроизводные с точки зрения современного языкового состояния болгарские лексемы **чаша, карти, легло, помада, работа**, описательный оборот **едвам се открехна** (букв. «едва открылась») не передают экспрессивных значений русских лексем и словосочетаний **посудинка, постелька, помадка, крошечная щелочка, дельце,** фразеологизма **пуститься в картишки** и выражаемых ими в контексте оригинала смыслов.

Особенности перевода русских именных форм

Менее очевидны, чем специфика лексико-словообразовательных ресурсов, те языковые различия, которые связаны с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические категории являются наиболее обобщенными языковыми знаками различных аспектов реальности, представление о которых формировалось в практике когнитивного освоения мира носителями на протяжении длительного времени. Различия в грамматической концептуализации имеют более абстрактный, а потому менее наглядный характер, однако именно в грамматических средствах языка специфика «языкового взгляда» зафиксирована наиболее последовательно. Р. Якобсон, связывавший свою концепцию грамматического значения с работами Ф. Боаса, подчеркивал важную идею американского антрополога об обязательности и последовательности выражения грамматических категорий в языке: грамматика не только выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке, «она определяет, какие аспекты того или иного опыта *должны* быть выражены» [Якобсон, 1985, с. 231]; «<…> грамматические значения данного языка <…> благодаря своему обязательному принудительному характеру оказывают влияние на поэзию, верования и даже на философское мышление;

при этом, однако, они нисколько не мешают языкам приспосабливаться к нуждам, порождаемым развитием знания» [Якобсон, 1985, с. 233–234].

Различия оригинала и перевода могут быть обусловлены своеобразием языковой концептуализации и системными языковыми расхождениями. В своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, однако в них могут доминировать разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира, по нашим наблюдениям, характерна предметно-пространственная доминанта, которая отражается в грамматической системе языка и в речи. Выражение предметно-пространственной доминанты в русском языке осуществляется за счет широко развитой системы предложно-падежных форм. Устойчивостью характеризуются выражения: есть/нет, было/не было на свете... в мире, на месте, на дворе и под. при констатации самых разных фактов. И в тексте романа присутствуют такие примеры: «— Ах, стыд-то какой теперь завелся **на свете**, Господи!» (с. 42); «Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать **на свете** великую грусть, — прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора» (с. 203); «Нет ничего **в мире** труднее прямодушия, и нет ничего легче лести» (с. 366).

Для болгарского языка предметно-пространственная характеристика ситуации менее значима, поэтому в переводе часто такие пространственные определители опускаются: «Весьма вероятно и то, что Катерине Ивановне захотелось, именно при этом случае, именно в ту минуту, когда она, казалось бы, **всеми на свете оставлена**, показать всем этим “ничтожным и скверным жильцам”, что она не только “умеет жить и умеет принять”, но что совсем даже не для такой доли и была воспитана <...>» (с. 290) — «Твърде вероятно е и това, Катерина Ивановна да е поискала именно в този случай, именно в този миг, когато изглеждаше **изоставена от всички**, да покаже на всички тези „нищожни и противни квартиранти“, че не само „умее да живее и да посрещне гости“, но че дори е била възпитана съвсем не за такава участ <...>»; «Раскольников остался **на месте** и долго глядел ему вслед» (с. 209). — «Расколников се спря и дълго гледа подире му»; «Но не было ничего, кажется, никаких следов; только **на том месте**, где панталоны внизу осеклись и висели бахромой, на бахроме этой оставались густые следы запекшейся крови» (с. 71). «Но нямаше май нищо, никакви следи; само на панталона

долу, където беше оръфан, на това оръфаното имаше следи от засъхнала кръв».

Эти примеры показывают отражение в языке романа и в переводе системных различий концептуализации реальности в русском и болгарском языках: максимальную экспликацию содержащихся в ситуации пространственных отношений в русской речи и тенденцию к более обобщенной интерпретации ситуации в болгарской [Карпенко, 1984].

Расхождение в выражении состояния в среде состоит в использовании характерного для русского языка предложно-падежного маркера пространства **на дворе** и обобщенного обозначения **вън** («вне») в болгарском переводе: «В комнате было душно, свечка горела тускло, **на дворе** шумел ветер <...>» (с. 389) — «В стаята беше задушно, свещта мъждукаше, **вън** шумеше вятърът <...>»; «**На дворе** совершенно густой туман и ничего разглядеть нельзя» (с. 393). — «**Вън** е паднала съвсем гъста мъгла и нищо не се вижда»; «Только что он достал заклад, как вдруг где-то **на дворе** раздался чей-то крик ъ <...>» (с. 57) — «Той току-що беше извадил залога, когато изведнъж **навън** някой извика <...>».

Неполное соответствие может быть связано с переводом и других грамматических единиц, — как структурных элементов предложения, так и моделей предложений. В.Н. Комиссаров говорит о влиянии контекста на выбор переводческого соответствия [Комиссаров,1990, с. 145]. Однако выбор определяется не только условиями контекста, но и системными различиями между языками. Предложно-именная система болгарского языка вследствие утраты именного склонения и перераспределения функций у предлогов обременена выражением грамматических значений, в силу чего использование предложно-именных конструкций здесь в определенной мере ограничено. Мастерство переводчика заключается в понимании системных различий между исходным и переводящим языками и умении использовать возможные вариантные соответствия. При описании состояния человека часто наблюдаются расхождения, обусловленные стремлением переводчика избежать использования предложно-именных конструкций, хотя в принципе они могут быть использованы.

Переживаемое психическое состояние обычно сопровождает действие и в русском высказывании выражается в обстоятельстве либо предложно-падежными формами, либо наречиями. Ср. сле-

дующие примеры из текста «Преступление и наказание»: «“Красное, ну а на красном кровь неприметнее”, — рассудилось было ему, и вдруг он опомнился: “Господи! С ума, что ли, я схожу?” — подумал он **в испуге**» (с. 64); «Затем, **испуганно** и безумно, бросился к углу, к той самой дыре в обоях, в которой тогда лежали вещи <...>» (с. 208). У Достоевского преобладает первый способ: в 9 из 16 случаях при выражении испуга используется выражение **в испуге**. Преимущественное использование предложно-падежных форм можно объяснить тем, что в русском языке проявление сильного психического переживания и состояния человека концептуализируется как среда, в которую человек погружен, и оно оформляется по пространственной модели с использованием предложно-падежных форм В + Пр. п. Для языка Достоевского эта грамматическая модель весьма характерна. Кроме указанного выражения, в тексте романа использованы предложно-падежные формы: в бреду, в беспамятстве, в бессилии, в волнении, в восторге, в задумчивости, в злобе, в лихорадке, в недоумении, в нетерпении, в ожидании, в отчаянии, в смущении, в страхе, в тоске, в тревоге, в удивлении, в ужасе и под.

Болгарский язык обычно концентрирует внимание на состоянии как действии или характеристике человека, охваченного состоянием, поэтому грамматически различие концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от пространственной модели русских предложно-падежных сочетаний оригинала к воспроизводящим динамическую характеристику ситуации болгарским глагольным формам. Чаще всего наблюдается замена русских предложно-падежных сочетаний формами страдательных причастий, отпричастных наречий и прилагательных:

1) выражения **в страхе** и **в испуге** переведены причастиями **уплашен** (-а, -о), **изплашен** (-а, -о):

«Полечка **в страхе** забилась с детьми в угол на сундук <...>» (с. 311) — «Полечка, **уплашена**, се сви с децата в ъгъла, върху сандъка <...>»; «<...> подумал он **в испуге** <...>» (с. 64) — «помисли си **изплашен** <...>»; «Соня бросилась к дверям **в испуге**» (с. 324). — «Соня се втурна **изплашена** към вратата»; «Дуня **в испуге** отшатнулась от него дальше» (с. 380) — «Дуня, **уплашена**, се отдръпна по-далеч от него»; «Та отскочила **в испуге** <...>» (с. 62) — «Тя отскочи **изплашена** <...>»; «<...> бормотала <...> как ребенок **в испуге** <...>» (с. 187) — «<...> шепнеше тя <...> като **уплашено** дете <...>».

2) выражения **в тоске** и **в тревоге** переведены причастиями **измъчен** (-а, -о), **разтревожен** (-а, -о):

«И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил **в тоске и тревоге** <...>» (с. 85) — «И изведнъж се учуди: повече от половин час да се лута **измъчен и разтревожен** <...>»; «<...> проговорил он вдруг хриплым задыхающимся голосом, весь **в тревоге** <...>» (с. 145) — «<...> проговори той изведнъж с хриптящ задъхан глас, страшно **разтревожен** <...>»; «“Ох, это не то, не то”, — **в тоске** восклицала Соня <...>» (с. 320) — «“Ох, не е това, не е” — възкли-цаваше Соня **измъчена** <...>»; «Что... “понимаете”? — произнес Заметов почти **в тревоге**» (с. 126) — «“Какво... да разбирам?” — каза Заметов почти **разтревожен»**; «Она постояла посмотрела на него беспокойно и вышла **в тревоге**» (с. 327). — «Тя постоя погледна го с безпокойство и излезе **разтревожена**»;

3) **в волнении** заменяется на **развълнуван**, **развълнувана**:

«<...> закричал весь **в волнении** Раскольников <...>» (с. 27). — «<...> извика **развълнуван** Расколников <...>»; «<...> бормотал Петр Петрович, несколько **в волнении** <...>» (с. 289) — «<...> мъ-рмореше Пьотр Петровия малко **развълнуван** <...>»; «Петр Петро-вич был даже **в волнении** <...>» (с. 290) — «Пьотр Петрович беше чак развълнуван <...>»; «Дуня вся **в волнении** от радости свидания с тобой <...>» (с. 34) — «Дуня е така **развълнувана** от радост, че ще те види <...> »;

4) **в удивлении, в недоумении, в смущении** переведены причастиями **изненадан** (-а, -о), **учуден** (-а, -о), **смутен** (-а, -о):

«<...> сказал Раскольников **в** чрезвычайном **удивлении** <...>» (с. 181) — «<...> каза Расколников извънредно **изненадан** <...>»; «Та вошла **в** чрезвычайном **удивлении** <...>» (с. 285) — «Тя влезе крайно **учудена** <....>» ; «<...> заговорила **в смущении** Пульхерия Александровна <...>» (с. 176) — «<...> заговори **смутена** Пулхерия Александровна <...>»;

5) **в бессилии** заменяется в переводе на **безсилен** и **изтощен**;

«Раскольников **в бессилии** упал на диван <...>» (с. 91) — «Расколников се строполи **безсилен** на дивана <...>»; «Затем **в бессилии** лег на диван <...>» (с. 210) — «После **изтощен** легна на дивана <...>»;

6) **в лихорадке** передано причастием **разтреперан**:

«Он сходил тихо, не торопясь, весь **в лихорадке** <...>» (с. 146). — «Той слизаше полека, без да бързa, целият **разтреперан»**.

Избегая употребления предложных конструкций, переводчик использует, наряду с причастиями, и личные формы глагола: «Покамест он бродил в темноте и **в недоумении** <...>» (с. 241) — «Докато търсеше в тъмното и **недоумяваше** <...>»; «Кажется, я не **в бреду**, — думал он <...>» (с. 95). — «“Изглежда, не **бълнувам**” — мислеше той».

Состояние переживания ужаса может быть выражено на русском языке многообразно, с использованием и глагольных форм, и именных падежных и предложно-падежных форм. В романе «Преступление и наказание» глагольные формы при выражении состояния ужаса Достоевским используются крайне редко. Из всех возможных глагольных форм единично использованы форма ж. р. прошедшего времени **ужаснулась** и деепричастие несовершенного вида **ужасаясь**, употребленное в монологе Мармеладова: «Где дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, **не ужасаясь** зверства его, пожалела?» (с. 21). А в 30 случаях выражения ужаса писателем использованы все ресурсы падежной системы русского языка: И. п. (2 ед.); Род. п. (9 ед.) от ужаса, вздрогнуть от ужаса и под.; Дат. п. (1 ед.) к ужасу; Вин. п. (2 ед.) приходить в ужас; Тв. п. (8 ед.) с ужасом; Пр. п. (8 ед.) в ужасе.

Отмеченные системные расхождения между языками (наличие разветвленной системы падежных и предложно-падежных форм в русском языке и отсутствие склонения существительных в болгарском) сказались в том, что в переводе в 6 из 30 случаев в соответствии с русскими падежными формами употреблены глагольные формы страдательных причастий или личные глагольные формы:

«Тревога, **крики ужаса**, стоны <...>» (с. 150) — «Уплаха, **ужасени викове**, стонове <...>»; «Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся **в ужасе**» (с. 49). — «Събуди се целият в пот, с мокра от потта коса, задъхан, и **ужасен** се приповдигна»; «**В ужасе** приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь» (с. 90). — «**Ужасен** се надигна и седна на дивана със сърце, всеки миг замиращо и свиващо се от мъка»; «<...> прошептала **в ужасе** Соня <...>» (с. 302). — «<...> прошепна Соня **ужасена**»; «<...> ведь меня от одной мысли *наяву* стошнило и **в ужас бросило** <...>» — «“<...> нали само като си го представих наяве, ми прилоша и **се ужасих** <...>”; «<...> проговорил он вдруг хриплым задыхающимся голосом, весь в тревоге, **с ужасом** указывая глазами на дверь <...>» (с. 147) — «<...> проговори той

изведнъж с хриптящ задъхан глас, страшно разтревожен, сочейки **ужасен** с очи към вратата <...>».

Особенности перевода односоставных предложений

Расхождения, связанные с переводом грамматических структур, наблюдаются и на уровне предложения. Для русского языка характерна продуктивность выразительных в грамматическом отношении структурно-семантических разновидностей односоставных предложений, в частности безличных предложений, передающих состояние как результат спонтанного внутреннего состояния, побуждения (Захотелось петь); неожиданного проявления организма человека (Разнесло всё лицо); действия неких стихийных, неконтролируемых сил, воздействующих на объект (Развезло дороги; Землю засыпало снегом).

По мнению А. Вежбицкой, безличные конструкции в русском языке отражают культурную традицию воспринимать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому контролю и уразумению; она осмысляет продуктивность безличных предложений в русском языке с точки зрения агентивности/неагентивности культуры. Русской культуре, по ее мнению, присуща неагентивность, бытийность, а, например, американской — агентивность: коммуникация испытывает воздействие данных факторов, и в разных языках «из-за разной концептуализации действительности и степени активности в освоении мира различается и форма вербализации народного опыта, которая выражается в агентивности/неагентивности (...) и в разных субъектно-объектных отношениях», «при переводе происходит перераспределение смыслов между словами»: *I am sorry — мне жаль* [Леонтович, 2007, с. 185–186, 114]. А. Вежбицкая видит в этом «рефлекс некоей иррациональности как элемента русской ментальности. Она пишет, что «рост безличных конструкций, вытеснение личных предложений безличными является типично русским феноменом», «неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечали особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете, русской культуры» [Вежбицкая, 1996, с. 75].

Мнение, что обилие безличных конструкций отражает русский менталитет, достаточно распространено, некоторые лингвисты, вслед за А. Вежбицкой, исследующей языковые универсалии,

усматривают в отраженной в русской литературе и русской философской мысли склонности к иррациональности, неагентивности, неподконтрольности жизни — «смысловой универсум» русского языка [Вежбицкая, 1996, с. 33–34]. Утверждение не бесспорное. Еще столетие назад А.М. Пешковским было замечено, что безличные предложения не являются особенностью только русского языка, но имеются во всех индоевропейских языках. На материале индоевропейских языков безличные предложения были не раз подробно рассмотрены, выявлен их общий характер, если не универсальный, то охватывающий очень многие языки разных типов. Тем не менее, особая продуктивность безличных предложений в русском языке, их семантическое и структурное многообразие не подлежат сомнению, как и возможность использования в художественном дискурсе в качестве экспрессивного выразительного средства.

Достоевский, показывая, что Раскольников нездоров, одержим, находится во власти не поддающихся его контролю сил, намеренно использует безличные синтаксические модели с предикатами, выраженными глаголами физического воздействия и перемещения: «**Ему стукнуло в голову**, и потемнело в глазах» (с. 39); «<...> **в голову**, что ли, как-то **ударило**» (с. 93); «Наконец, **пришло ему в голову**, что **не лучше ли будет пойти** куда-нибудь на Неву?» (с. 85); «В последнее время его даже **тянуло шляться** по всем этим местам, когда тошно становилось, «чтоб еще тошней было» (с. 122); «Его почему-то **тянуло** со всеми **заговаривать**» (с. 122). При описании психического состояния героя Достоевский активно использует безличные предложения с инфинитивом: «Мысли его были рассеянны... Да и вообще **тяжело** ему **было думать** в эту минуту о чем бы то ни было» (с. 43); «**Ему хотелось смеяться** над собою со злости <...>» (с. 59) «Случалось, что он как будто и просыпался, и в эти минуты замечал, что уже давно ночь, а **встать** ему **не приходило в голову**» (с. 70); «Ему ужасно **хотелось как-нибудь рассеяться**, но он не знал, что сделать и что предпринять» (с. 87). Активное использование безличных предложений Достоевским отмечалось в литературе [Бокова, 2011, с. 123–131].

При передаче безличных предложений в переводе наблюдаются разные приемы:

1. Используются однотипные безличные предложения. В болгарском языке есть свои модели безличных предложений, которые в определенных случаях позволяют передать абсолютно точно,

адекватно смысл русского оригинала. Как и в русском, здесь присутствует структурный разряд безличных предложений со сказуемым, выраженным безличным предикативом на -о со связкой, который используется при передаче как состояния человека, так и состояния окружающей среды и состояния дел. При употреблении такой модели наблюдается параллелизм оригинала и перевода: «<...> домой идти ему **стало** вдруг **ужасно противно**» (с. 45). — «<...> изведнъж му **стана ужасно противно** да си иде вкъщи».

Не наблюдается отличий и в случаях, когда в переводе используется аналогичный русскому конструктивный тип безличных предложений с безличным глагольным предикатом: «<...> **подумалось ему** вдруг <...>» (с. 265). — «<...> **мина му** изведнъж **през ума**»; «Неужели, неужели, — **мелькало в нем**, — он лжет и теперь?» (с. 266) — «Нима, нима —**минаваше му** през ума — той и сега лъже?».

2. В тексте перевода используются трансформации в двусоставные или односоставные определенно-личные предложения. В силу грамматических особенностей болгарского языка такой вариант преобразований наблюдается наиболее часто: «<...> **подумалось** вдруг **Раскольникову**» (с. 337). — «<...> **помисли** изведнъж **Расколников**»; «**Раскольникову** давно уже **хотелось уйти** <...>» (с. 21) — «**Расколников** отдавна вече **искаше да си върви** <...>»; «**Ему** все **грезилось**, и все странные такие были грезы представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе» (с. 56). В этом примере в переводе первая часть трансформирована в двусоставное предложение (Ему все грезилось — Пред него непрекъснато **минаваха видения** и все такива странни), а вторая — в безличное. Общий смысл передан (букв.: Перед ним непрерывно проходили видения...), но признак стихийности, неконтролируемости в болгарской двусоставной модели утрачен. Утрачен признак стихийности при трансформации русского безличного предложения в болгарское двусоставное и в примере «С ним что-то вдруг сделалось, точно ему **в голову** вдруг **ударило**» (с. 380). — «Изведнъж му стана нещо, сякаш съзнанието му внезапно се зашемети» (букв.: С ним что-то сделалось, как будто его сознание внезапно содрогнулось). В другом примере безличное предложение «<...> ведь **меня** от одной мысли наяву **стошнило** и **в ужас бросило**...» (с. 50) трансформировано в субъектное, определенно-личное: «<...> нали само като си го представих наяве, ми прилоша и **се ужасих** <...>» (букв.: ведь как только представил это въяве, мне стало плохо, и **я ужаснулся**...). Признак стихийности — в ужас бросило — также утрачен.

Русские безличные предложения создают трудности для переводчиков на языки с аналитическим именным строем, в которых в силу отсутствия падежных форм имени и отсутствия или меньшей употребительности безличных моделей ограничены грамматические возможности выражения семантики стихийности. Например, первое предложение фразы «**Ему стукнуло в голову**, и потемнело в глазах» в переводе на болгарский передано двусоставной моделью, причем локус **в голову** воспринят и передан как субъект действия: «**Главата го блъсна** и пред очите му притъмня». В результате вместо «Ему стукнуло в голову» буквальный смысл болгарской фразы «Его голова дернулась», т.е. вместо стихийного ментального состояния выражено физическое действие.

Отметим попутно, что в переводах на английский язык семантика спонтанности, стихийности грамматически, структурой предложения, в силу отсутствия безличных предложений также не передается. Приведенная выше фраза в переводе, выполненном Constance Garnett, передается высказыванием с двумя двусоставными предложениями: «He felt a hammering in his head, and there was a darkness before his eyes» (букв.: Он почувствовал стук в своей голове, и была темнота перед его глазами).

3. Используются в переводе на болгарский язык специфические безличные предложения болгарского языка: а) так называемая «желательная» модель: «**Ему захотелось выпить** холодного пива <...>» (с. 10) — «**Допи му се** студена бира <...>». Имеется в болгарском языке и своя специфическая модель безличных предложений о состоянии человека, в которых субъект состояния выражается личным местоимением в винительном падеже. Эта модель включает предикативное существительное и связку, переводчик часто использует её при передаче состояния боязни: «На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков **боюсь**! — подумал он с странною улыбкой» (с. 6). — «—Какво съм намислил да направя и същевременно от какви глупости **ме е страх**! — помисли си»; «“Если о сю пору я так **боюсь**, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?..” — подумал он невольно, проходя в четвертый этаж» (с. 7). — «— Щом сега толкова **ме е страх**, какво ли ще е, ако някак стане наистина да се реша на това! — помисли той неволно, изкачвайки четвъртия етаж». Использование данной конструкции влечет менее существенное изменение значения оригинала, чем в рассмотренных выше случаях: в переводе

наблюдается генерализация, обобщение и расширение того смысла, который передан Достоевским как внутреннее переживание героя. В болгарском языке есть и личная глагольная форма **страхувам се**, которую переводчик использует чаще при выражении беспокойства, а не страха: «**Боюсь** я, в сердце своем, не посетило ли тебя новейшее модное безверие?» (с. 34) — «—**Страхувам се** в сърцето си дали не е заразило и тебе новото модерно безверие?».

Наиболее сильными средствами выражения психоэмоционального состояния героев в тексте романа оказываются не описательные конструкции от имени повествователя, а монологи и внутренние диалоги персонажей. Они выполняют важную текстообразующую роль, служат рельефными точками текста, вызывающими наибольшее эмоциональное напряжение, по отношению к таким феноменам французский семиотик Р. Барт использовал термин punctum. Примечательно, что, перерабатывая текст романа, Достоевский в окончательной редакции романа перевел записки от лица героя в повествование от автора и оставил внутреннюю речь персонажей только в самых острых моментах.

Во внутреннем диалоге Раскольникова звучат вопросы экзистенциального выбора. Они рассыпаны по тексту романа, но, собранные вместе, в обратном порядке, составляют текст в тексте: «Так идти, что ли, или нет» (с. 135); «Сопротивляться или отворить?» (с. 73); «Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или... “Или отказаться от жизни совсем! <...> послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!”» (с. 39). При таком соединении вопросы внутренней речи Раскольникова содержательно и структурно созвучны известному шекспировскому монологу Гамлета «To be or not to be, that is the question: / Whether ‘tis nobler in the mind to suffer / The slings and arrows of outrageous fortune, / Or to take arms against a sea of troubles, / And by opposing end them. To die, to sleep <...>» [Shakespeare]. Смысловой и структурный параллелизм указывает на родство фрагментов внутренней речи Раскольникова, представляющих самостоятельный текст внутри романа, и гамлетовского монолога. В структурно-грамматическом отношении у Достоевского, как и у Шекспира, средством выражения мучительного раздумья служат инфинитивные предложения. В содержательном плане те же темы — экзистенциального выбора, на что решиться, выбора сопротивления или смирения перед

ударами судьбы и тема смерти, забытья, — выраженные в начале монолога Гамлета, в преобразованном виде звучат во внутренней речи Раскольникова в «Преступлении и наказании»: (шекспировский текст воспроизводится в переводе Б. Пастернака [Шекспир 1941, с. 73]): «Быть или не быть <...>» (у Раскольникова «Так идти, что ли, или нет»); «Смиряться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивленье <...>» (у Раскольникова «Сопротивляться или отворить?») и тема «Умереть. Забыться». О Раскольникове перед преступленьем автор говорит: «Он бы хотел совсем забыться, все забыть» (с. 43), а после «дела», с которого он вернулся «полумертвый» (с. 70), «он бросился на диван, так, как был. Он не спал, но был в забытьи» (с. 70). Тема аллюзий к шекспировскому тексту как проявление полидискурсивности романа рассматривается нами отдельно.

В романе ярким, специализированным приемом выражения психоэмоционального состояния служат инфинитивные предложения в составе внутренней речи героя. В современных синтаксических описаниях русского языка инфинитивные предложения характеризуются как односоставные предложения с независимым инфинитивом с семантикой потенциального действия. В содержательном отношении инфинитивные предложения русского языка отличаются широким спектром модальных значений (волюнтивных, оптативных, рефлексивных, оценочных), описанных синтаксистами с разной степенью детализации. В нашем материале представлены рефлексивные: «**Не бывать**? А что же ты сделаешь, **чтоб этому не бывать**?» (с. 38); оценочные: «Всего стыднее, что очень уж глупо. **Да и наплевать на это**» (с. 132); а также предложения экзистенциального выбора. Последняя разновидность в традиционных классификациях инфинитивных предложений не выделяется, однако предложения данного типа имеют свою содержательную специфику; и Достоевский намеренно вводит их в текст, изображая своего героя пребывающим на распутье. К ним относятся приведенные выше примеры с альтернативными вопросами и подобные. Вопреки известной констатации, что инфинитив самым общим образом называет действие, но не характеризует время его протекания, предложения «Так идти, что ли, или нет», «Сопротивляться или отворить?», в силу акцентируемой в них дилеммы, тесно связаны с выражением темпоральной семантики: они актуализируют привязанность действия к конкретной ситуации в момент речи — к актуальному настоящему.

В контексте сюжетной линии такие инфинитивные предложения обладают высокой экспрессивностью и передают состояние смятения, паники, замешательства героя в конкретный момент.

В случаях перевода инфинитивных предложений мы также сталкиваемся с расхождениями, обусловленными системными различиями между языками, поскольку в современном болгарском литературном языке нет инфинитива и, соответственно, нет инфинитивных предложений. При переводе с русского языка их значения получают разнообразное лексико-грамматическое выражение, хотя и не аналогичное, и не в полном объеме. Переводческими соответствиями в болгарском тексте служат:

1.Определенно-личные предложения с «да-конструкцией», которые преобладают: «Так идти, что ли, или нет». — «Та **да отида** ли или **да не отида**?»; «Не подождать ли еще...пока сердце не перестанет?...» (с. 61) — «Дали **да не почакам** още... докато ми се успокои сърцето?...»; «Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и пережлать где-нибудь на незнакомой лестнице? Нет, беда**!** А не забросить ли куда топор?» (с. 69–70) — «Дали пък **да не се вмъкна** в някой вход и **да изчакам** на някое чуждо стълбище? Не, ужасно! А дали **да не захвърля** някъде брадвата?»; «Не взять ли извозчика? Беда! беда!» (с. 70) — «Дали **да не взема** файтон? Ужас! Ужас!»; «Что им надо? Зачем дворник? Всё известно. Сопротивляться или отворить? Пропадай...» (с. 73) — «Какво искат? Защо е дошъл портиерът? Всичко са научили. **Да се съпротивлявам** или **да отворя**? Да става, каквото ще!...»; «Ну мне ль помогать? Имею ль я право помогать?» (с. 42) —«Аз ли **да помагам**? Имам ли право **да помагам**?».

2.Определенно-личные предложения с предикатами в форме настоящего времени: «Всего стыднее, что очень уж глупо. Да и наплевать на это. Фу, какие глупости в голову приходят...» (с. 132) — «Най-срамното е, че е прекалено глупаво. **Но плюя и на това**. Тю, какви глупости ми идват в главата...»; «**Наплевать мне на них на всех, да и на то**, что я лебезил и заигрывал!..» (с. 86) — «**Плюя на всички тях, а и на това**, че съм угодничил и съм се подмазвал!».

3. Определенно-личные предложения с предикатами в форме перфекта: «Без сапог нельзя детей учить. Да и наплевать» (с. 27). — «Без обувки не мога да уча децата. **Пък и плюл съм на това».**

4.Безличные предложения с предикатами в форме будущего времени: «—Жалеть! Зачем меня жалеть! <...> —Зачем жалеть, говоришь ты? Да! Меня жалеть не за что!» (с. 20) — «**Ще му е жал**! Защо

ще му е жал! <...> — Защо **ще му е жал**, казваш ти?Да, **няма** защо **да му е жал** за мене!».

5.Фразеологизмы: «Ну**, наплевать**!» — «Но **по дяволите**!».

Проявления реинтерпретации авторского кода при переводе

В статье были рассмотрены наиболее типичные примеры, которые показывают некоторые изменения смысла при переводе, обусловленные особенностями языковой концептуализации и системными лексическими и грамматическими различиями двух языков. Однако, в отдельных случаях расхождения между оригиналом и переводом могут возникать не в силу языковых различий, а в силу реинтерпретации авторского кода при переводе. Точность передачи смысла произведения на переводящем языке зависит не только от системных особенностей языков, но и от глубины понимания переводчиком содержания текста, всех его ключевых и прецедентных слов, аллюзий и тонкостей, закодированных писателем. Так, например, для Достоевского весьма значим концепт «странное», и он включает его во все романы, в том числе и в «Преступление и наказание». Используя номинативные единицы с лексемами **странный**, **странно**, **странность**, Достоевский передает болезненное состояние одержимости, смятения Раскольникова, его неадекватное поведение и восприятие окружающей обстановки. Странным и себя, и свои действия ощущает и сам Раскольников: «Он забылся; **странным** показалось ему, что он не помнит, как мог он очутиться на улице» (с. 212); «Он думал и тер себе лоб, и, **странное дело**, как-то невзначай, вдруг и почти сама собой, после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна **престранная** мысль» (с. 44); «А куда ж я иду? — подумал он вдруг. — **Странно»** (с. 43).

Таинственным, странным ему видится и всё окружающее: «Это уже одно показалось Раскольникову как-то **странным**: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же» (с. 53); «**Странным** всегда казалось ему это совпадение» (с. 55); «И во всем этом деле он всегда потом наклонен был видеть некоторую как бы **странность**, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» (с. 52).

Странность поведения Раскольникова замечают все, кто его окружает: «Не рассердитесь, Родион Романович, но вы мне сами почему-то кажетесь ужасно как **странным**» (с. 217); «Вообще он

мне очень **странным** показался, и... даже... с признаками как будто помешательства» (с. 237); «<...> пробормотал господин, испуганный и вопросом, и **странным** видом Раскольникова, и перешел на другую сторону улицы» (с. 121).

Анализ показывает, что не все содержательные нюансы романа, переданные Достоевским, восприняты переводчиком и воспроизведены в болгарском тексте. Отмечены лакуны, связанные с опущением выражения странности поведения Раскольникова, и замены на характеристики **особено, плахо** (робко), **страшно**, не соответствующие по смыслу контексту оригинала. В следующем примере в болгарском тексте из-за пропуска прилагательного не передана особенность улыбки Раскольникова — она была странной: «На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! — подумал он с **странною** улыбкой». — «Какво съм намислил да направя и същевременно от какви глупости ме е страх! — помисли си». В других примерах, при том, что в болгарском языке имеется соответствующее по значению прилагательное **странен**, сталкиваемся с неоправданными заменами: «Но что-то было в нем очень **странное**; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл, и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие» (с. 12) — «Но нещо много **страшно** имаше в него (букв.: «что-то очень страшное было в нем»), в погледа му светеше някаква възторженост — всъщност личеше и мисъл, и ум — но в същото време проблясваше някакво безумие»; «Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было **странно**!» (с. 54) — «Офицерът пак се разсмя, а Расколников потрепера. Колко **страшно** беше това!». Наблюдается также изменение смысла в сторону генерализации при переводе лексемы **странность** болгарским словом **особеност**: «На этот счет открою вам одну психологическую **странность**» (с. 222) — «В това отношение ще ви разкрия една психологическа **особеност**».

Другой пример, на мой взгляд, также свидетельствующий о неполноте восприятия переводчиком авторского кода романа, связан с переводом описания пути Раскольникова с Петровского острова. В сцене пробуждения на Петровском острове (после жуткого сна с убийством лошади) Достоевский показывает внутренний надлом Раскольникова накануне убийства, его смятение, отчаяние и борение с преступной идеей: «“Боже! — воскликнул он, — да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор <...> Господи,

неужели?” <...> Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!.. <...> “Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!”» (с. 50). Раскольников обращается к Богу почти словами 4 стиха 24 псалма Давида, в котором говорится: «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи стезям Твоим».

Покаянное воззвание Раскольникова к Богу о пути, обращает читателя к образу пути в Псалтыри, где праведный путь показан в оппозиции к пути неправедному. Бог, взирающий «на все пути», судит человека, пребывающего в ситуации постоянного выбора. Путь Бога есть прямой, праведный, это путь непорочности, истины, заповедей, добра, света, жизни, вечности. На этом пути Бог спасает человека, выводит его «на широту». Уклоняющийся с пути праведности попадает на попятный путь, который ведет к кривым путям, путям беззакония, лжи, тьмы, зла, отпадения, ада; на этих путях сети грешников, сети дьявола.

Рисуя сцену, Достоевский обыгрывает содержание 24 псалма Давида: он показывает, что мольба Раскольникова подействовала и «на душе его вдруг стало легко и мирно». Раскольников «почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго» (с. 50), получил успокоение, силы и свободу от наваждения. Какой же, только что проклявший перед Богом свою преступную мечту, он выбрал путь? Он не зашел ни в один из храмов, находившихся на пути к его жилью, не пошел напрямую домой, а направился в самое злачное место Петербурга, где и получил поддержку дьявольской идее. Достоевский обозначил это символически: Раскольников вернулся домой не прямым путем, а окольным, **сделал крюк** — пошел через Сенную площадь, «на которую ему было совсем лишнее идти. **Крюк** был небольшой, но очевидный и совершенно ненужный» (с. 50). Символ крюка Достоевский выбрал неслучайно: крюк, зацепивший Раскольникова, — символ козней дьявола: «Когда Раскольников пришел к своему дому, виски его были смочены потом и дышал он тяжело. Поспешно поднялся он по лестнице, вошел в незапертую квартиру свою и тотчас же заперся **на крюк**» (с. 208).

В переводе не передан авторский код Достоевского, не показан точно пространственный символизм описания пути Раскольникова с Петровского острова и не выражен образ крюка, тем самым не передан и глубинный символизм аллюзии к Псалтыри. Вместо

возможного описательного перевода или использования имеющейся в болгарском языке лексемы **кривулица** (которая была бы более уместна как соответствие слову **крюк**, поскольку она точно соответствует значению «непрямой, окольный путь») переводчик употребил не в полной мере передающее содержание контекста и недостаточно выразительное отвлеченное слово **отклонение**: «Отклонението не беше голямо, но очевидно и съвсем ненужно».

Весь приведенный в сокращении фрагмент пятой главы первой части с молением Раскольникова чрезвычайно выразителен и значим для понимания идеи романа. Состояние героя писатель передал через эмоционально насыщенный монолог с многократными повторами: выражение «не вытерплю!» повторяется пятикратно, как заклинание. Всего лишь частица **неужели** в короткой фразе «Господи, неужели?», передающая состояние отчаяния Раскольникова, приобретает всеобъемлющий смысл.

Заключение

Ф.М. Достоевский — один из самых читаемых писателей в мире, его романы переведены более чем на 170 языков мира, на своём языке с ними знакомятся и болгарские читатели. Известный болгарский переводчик Г. Константинов в целом блестяще справился с переложением романа Достоевского «Преступление и наказание», ему удалось передать на болгарском языке и глобальные общечеловеческие смыслы, и особенности индивидуального стиля гениального русского писателя. Вместе с тем проведенное сопоставительное исследование вскрыло определенные расхождения между оригиналом романа и его переводом на болгарский язык, которые объясняются рядом причин. В содержательном отношении некоторые расхождения обусловлены различиями языковой концептуализации мира. Хотя переводимость текстов художественной литературы и обусловлена единством мира, но это единство не абсолютно, относительна и общность его языковой концептуализации. В своих лексико-грамматических системах русский и болгарский языки отражают когнитивную оценку реальности, но говорить можно лишь об относительной общности языковой концептуализации мира в двух языках, в определенных случаях в них доминируют разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира характерна предметно-пространствен-

ная доминанта, выражение которой осуществляется средствами широко развитой системы предложно-падежных форм. Болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии, в нем преобладает глагольный способ характеристики ситуации. В значительной мере проблемы переводимости обусловлены расхождениями в системных грамматических, лексико-словообразовательных, лексико-семантических особенностях языков, что часто наблюдается при передаче концептов состояния в переходе от русских безличных предложений к болгарским двусоставным или определенно-личным, от предложно-падежных сочетаний русского языка к болгарским глагольным формам. Эти и другие, отмеченные в статье, системные различия языковых ресурсов сказываются в конечном итоге на различиях содержательных. Такие несоответствия естественны в переводе, иначе перевод звучал бы и воспринимался как текст, нарушающий нормы переводящего языка. Точность передачи смысла произведения на переводящем языке зависит не только от системных различий между исходным и переводящим языками, умения переводчика использовать возможные вариантные соответствия, но и от его восприятия всей глубины содержания текста, всех его ключевых и прецедентных слов, аллюзий и тонкостей, закодированных писателем.

Список литературы

1. Апресян, 1995 — *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

2. Арутюнова, 1999 — *Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 846–870.

3. Благова, Цейтлин, 1994 — *Благова Э., Цейтлин Р.М.* Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. 842 с.

4. Бокова, 2011 — *Бокова О.А.* Бытийные предложения в русской языковой картине мира и творчестве Ф.М. Достоевского // *Бокова О.А.* Функционально-коммуникативные и лингвокультурологические аспекты изучения текста и дискурса. Липецк: ЛГПУ, 2011. С. 123–131.

5. Бурас, Кронгауз. 2011 — *Бурас М.М., Кронгауз М.А.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti?ysclid=lx33ib5jro454191684 (дата обращения: 20.05.2024).

6. Васильева, 2008 — *Васильева Т.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 22 с.

7. Вежбицкая, 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

8. Гумбольдт, 1984 – *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

9. Даль, 1980 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 684 с.

10. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

11. Изард, 1999 – *Изард К.Э.* Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 460 с.

12. Карпенко, 1984 – *Карпенко Л.Б.* Способы выражения локальности в русском и болгарском языках // Съпоставително езикознание.1984. №1. С.20–28.

13. Комиссаров, 1990 – *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

14. Кристева, 2021 – *Кристева Ю.* Достоевский: письмо страдания и прощения: <Фрагменты> // Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна: Антология: в 2 ч. СПб.: Русская Христианская гуманитарная академия, 2021. Ч. 2. С. 553–569.

15. Кубрякова, 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

16. Леонтович, 2007 – *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.

17. Радченко, 2006 – *Радченко О.А.* Язык как миросозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: УРСС, 2006. 310 с.

18. Рецкер, 1974 – *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Изд-во «Международные отношения», 1974. 216 с.

19. Романова, 2020 – *Романова Е.С.* Фёдор Михайлович Достоевский – выразитель душевных состояний // Системная психология и социология, 2020, № 1 (33). С. 5–21.

20. Топоров, 1995 – *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления (Преступление и наказание) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс–Культура, 1995. С.193–258.

21. Уорф, 1960 – *Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып. 1. С. 169 –182.

22. Шекспир, 1941 – *Шекспир В.* Гамлет, принц датский. Трагедия / пер. с англ. Б.Л. Пастернака. М.: Худож. лит., 1941. 172 с.

23. Щерба, 1957 – *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

24. Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

25. Достоевски, 1960 – *Достоевски Ф.М.* Престъпление и наказание / в превод на Георги Константинов. София: Народна култура, 1960. 559 с. URL: https://chitanka.info/text/2321-prestyplenie-i-nakazanie (дата обращения: 06.02.2024).

26. Pym, 2009 – *Pym A.* Natural and directional equivalence in theories of translation // The metalanguage of translation / Eds. Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin's Publ., 2009. Pp. 81–104.

27. Sapir, 1921 – *Sapir E.* The Grammarian and his Language. The American Mercury. 1924. № 1. Pp. 149–155.

28. Shakespeare – *Shakespeare W.* Hamlet. URL: https://www.monologuearchive.com (дата обращения: 01.10.2024).

References

1. Apresian, Iu.D. “Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia” [“The Image of a Person According to the Language”]. *Voprosy iazykoznaniia,* no. 1, 1995, pp. 37–67. (In Russ.)

2. Arutiunova, N.D. “Stil’ Dostoevskogo v ramke russkoi kartiny mira” [“Dostoevsky’s Style in the Frame of the Russian Picture of the World”]. Arutiunova, N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [*The Language and the World of Man*]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1999, pp. 846–870. (In Russ.)

3. Blagova, E., and R.M. Tseitlin. *Staroslavianskii slovar’* (*po rukopisiam X–XI vekov*) [*Old Slavonic Dictionary (of Manuscripts of the 9th–11th Centuries)*]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1994. 842 p. (In Russ.)

4. Bokova, O.A. “Bytiinye predlozheniia v russkoi iazykovoi kartine mira i tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [“Existential Sentences in the Russian Language Picture and in F.M. Dostoevsky’s Work”]. Bokova, O.A. *Funktsional’no-kommunikativnye i lingvokul’turologicheskie aspekty izucheniia teksta i diskursa* [*Functional-Communicative and Cultural Linguistical Aspects of Research about Text and Speech*]. Lipetsk, LGPU Publ., 2011, pp. 123–131. (In Russ.)

5. Buras, M.M., and M.A. Krongauz. “Zhizn’ i sud’ba gipotezy lingvisticheskoi otnositel’nosti” [“The Life and Fate of the Hypothesis of Linguistic Relavity”]. *Nauka i zhizn’*, no. 8, 2011. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti?ysclid=lx33ib5jro454191684 (Accessed 10 Feb. 2024) (In Russ.)

6. Vasil’eva, T.V. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v interpretatsii nemetskikh perevodchikov* [*Fyodor Dostoevsky’s Novel* Crime and Punishment *as Interpreted by German Translators: PhD Thesis, Summary*]. Vologda, 2008. 22 p. (In Russ.)

7. Vezhbitskaia, A. *Iazyk. Kul’tura. Poznanie* [*Language. Kulture. Knowledge*]. Trans. from English. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)

8. Humboldt, Wilhelm von. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [*Selected Works on Linguistics*]. Trans. and ed. by G.V. Ramishvili. Moscow, Progress Publ., 1984. 397 p. (In Russ.)

9. Dal’, V.I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 tomakh* [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols*], vol. 4. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1980. 684 p. (In Russ.)

10. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

11. Izard, Carrol Ellis. *Psikhologiia emotsii* [*Psychology of Emotions*]. Trans. from English by V. Misnik, A. Tatlybaeva. St. Petersburg, Piter Publ., 1999. 460 p. (In Russ.)

12. Karpenko, L.B. “Sposoby vyrazheniia lokal’nosti v russkom i bolgarskom iazykah” [“Ways of Expressing Locality in Russian and Bulgarian Languages”]. *Sapostavitelno ezykoznanie*, no. 1, 1984, pp. 20–28. (In Russ.)

13. Komissarov, V.N. *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [*Translation Theory (Linguistic Aspects)*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)

14. Kristeva, Iu. “Dostoevskii: pis’ma stradaniia i proshcheniia, fragmenty” [“Dostoevsky: Letters, Suffering and Forgiveness”]. Kristeva, Iu. *Dostoevskii v zarubezhnoi retseptsii: ot klassiki do postmoderna: Antologiia* [*Foreign Reception of Dostoevsky: From Classics to Postmodern: An Antology*], part 2. St. Petersburg, Russkaia Khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ., 2021, pp. 553–569. (In Russ.)

15. Kubriakova, E.S. *Iazyk i znanie: na puti polucheniia znanii o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol’ iazyka v poznanii mira* [*Language and Knowledge: On the Way to Gaining

Knowledge about the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)

16. Leontovich, O.A. *Vvedenie v mezhkul'turnuiu kommunikatsiiu* [*Introduction to Intercultural Communication*]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)

17. Radchenko, O.A. *Iazyk kak mirosozidanie: lingvofilosofskaia kontseptsiia neogumbol'dtianstva* [*Language as the Universe: The Linguistic and Philosophical Concept of Neo- Humboldtianism*]. Moscow, URSS Publ., 2006. 310 p. (In Russ.)

18. Retsker, Ia.I. *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika* [*Translation Theory and Translation Practice*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1974. 216 p. (In Russ.)

19. Romanova, E.S. “Fedor Mikhailovich Dostoevskii — vyrazitel' dushevnykh sostoianii” [“Fyodor Dostoevsky as the Exponent of Mental States”]. *Sistemnaia psikhologiia i sotsiologiia*, no. 1 (33), 2020, pp. 5–21. (In Russ.)

20. Toporov, V.N. “O strukture romana Dostoevskogo v sviazi s arkhaichnymi skhemami mifologicheskogo myshleniia (Prestuplenie i nakazanie)” [“On the Structure of Dostoevsky's Novel in Connection with Archaic Schemes of Mythological Thinking (*Crime and Punishment*)”]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simbol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [*Myth. Ritual. Symbol. Image: Research on Mythopoetic: Selected Works*]. Moscow, Progress: Kul'tura Publ., 1995, pp. 193–258. (In Russ.)

21. Whorf, B.L. “Nauka i iazykoznanie” [“Science and Linguistics”]. *Novoe v lingvistike*, issue 1, 1960, pp. 169–182. (In Russ.)

22. Shakespeare, William. *Gamlet, prints datskii. Tragediia* [*Hamlet, Prince of Denmark. Tragedy*]. Trans. from English by B.L. Pasternak. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1941. 172 p. (In Russ.)

23. Shcherba, L.V. “O chastiakh rechi v russkom iazyke” [“About Parts of Speech in Russian Language”]. Shcherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [*Selected Works on Russian Language*]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 63–84. (In Russ.)

24. Iakobson, R. “Vzgliady Boasa na grammaticheskoe znachenie” [“Boas's Views on Grammatical Meaning”]. Iakobson, R. *Izbrannye raboty* [*Selected Works*]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 231–238. (In Russ.)

25. Dostoevski, F. *Prestaplenie i nakazanie* [*Crime and Punishment*]. Full text in Bulgarian, translation by Georgi Konstantinov. 1960. Available at: https://bg.wikipedia.org/wiki/Prest#plenie_i_nakazanie (Accessed 06 Feb. 2024) (In Bulgarian)

26. Pym, Anthony. “Natural and directional equivalence in theories of translation.” Gambier, Y., and L. van Doorslaer, eds. *The metalanguage of translation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin's Publ., 2009, pp. 81–104. (In English)

27. Sapir, Edward. “The Grammarian and his Language.” *The American Mercury*, no. 1, 1924, pp. 149–155. (In English)

28. Shakespeare, William. *Hamlet*. Available at: https://www.monologuearchive.com (Accessed 01 Oct. 2024) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.10.2024
Одобрена после рецензирования: 24.10.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 08 Oct. 2024
Approved after reviewing: 24 Oct. 2024
Date of publication: 25 Dec. 2024